

Содержание.

Пролог. Кейджептация 8

От автора 18

Глава 1. Лил Ник 22

Глава 2. Коппола-младший 36

Глава 3. Кейджерарама 48

Глава 4. Кейдж на Луне 66

Глава 5. Кейджеотия 81

Глава 6. Кейджэкшен-муви 99

Глава 7. Кейджхаус 113

Глава 8. Кейджебастер 127

Глава 9. Кейдж-поп 147

Глава 10. Кейджсплуатейшен 164

Глава 11. Кейджец 184

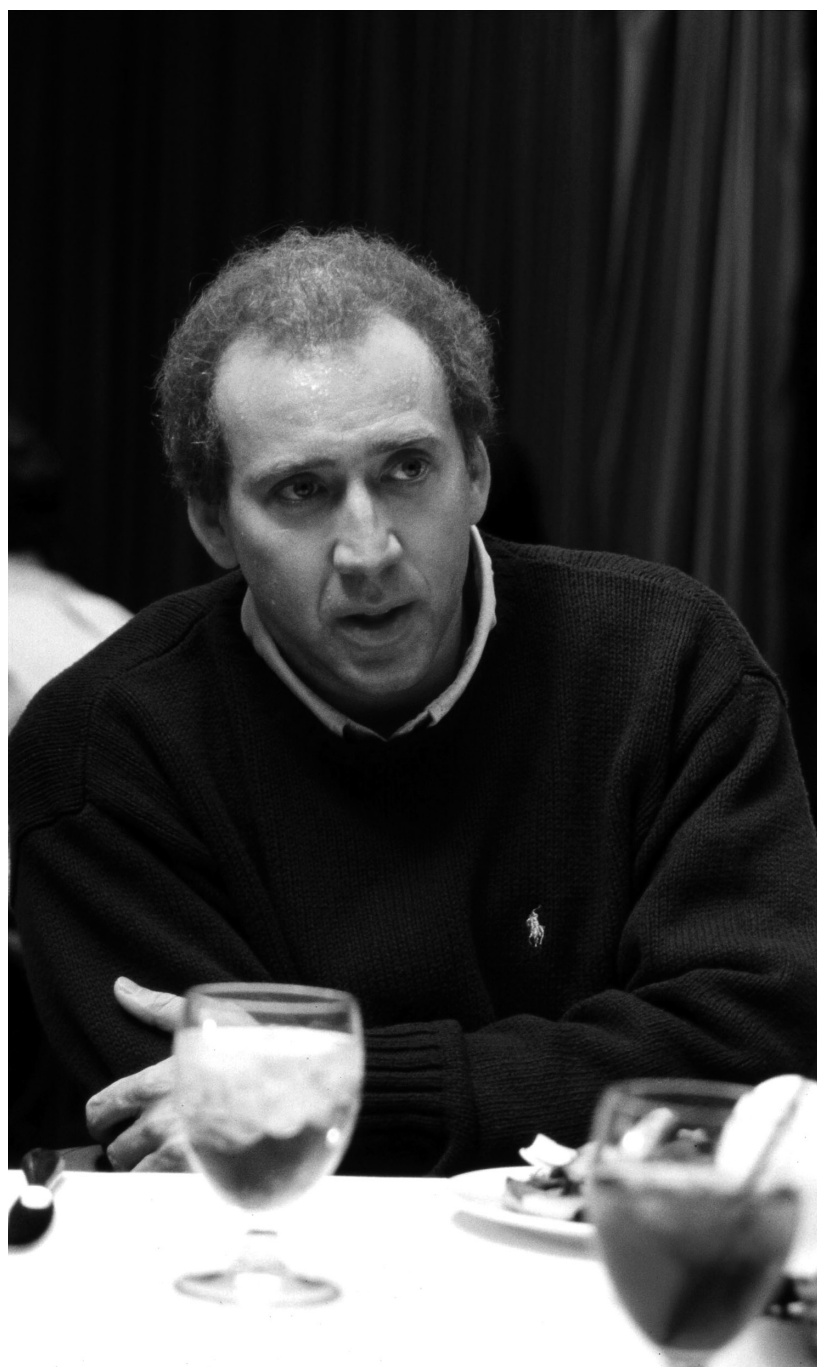
Глава 12. Трэшкейдж 197

Глава 13. Кейджефобия 212

Глава 14. Кейджемания 224

Глава 15. Кейджлэнд 237

Заключение. Кейджеверс 250

Пролог.

Кейджептация

«Начать... Начать... С чего начать? Я голоден. Мне нужно выпить кофе. Кофе помог бы мне думать. Может, мне стоит сначала что-нибудь написать, а потом вознаградить себя кофе? Кофе и булочка. Отлично, осталось определиться с темами. Да, булочка... Возможно, с бананом и орехом».

Это примерная цитата (зависит от перевода) из фильма «Адаптация» Спайка Джонза. Чарли Кауфман — заколебленный обстоятельствами сценарист, и ему нужно просто написать сценарий, который будет не хуже, чем у его успешного брата Дональда. Он сидит перед печатной машинкой и размышляет о том, как бы подступиться к этому непростому делу, найти в себе вдохновение и силы, чтобы начать писать (и желательнее не написать при этом фигню). Чарли

Кауфмана играет грустный и кучерявый Николас Кейдж.

Я и сам в каком-то смысле грустный и кучерявый, только не кучерявый, а бородатый, как персонаж другого произведения Чарли Кауфмана — романа «Муравечество». Кинокритик, который полстраницы грустно смотрит на свою бороду в зеркале. В книге главный герой, дерганный историк кино Б. Розенбергер Розенберг, совершенно случайно натывается на труды некоего Инго Катберда, гениального режиссера-затворника, снявшего на десятки и сотни километров пленки фильм, который надо смотреть три месяца с перерывами на еду и сон.

Когда меня, невротичного бородатого киноcritика с синдромом самозванца, спросили, не хочу ли я написать книгу, — я поначалу даже опешил. А зачем? Ведь есть люди умнее, да и кому, кроме вот таких, как я, нужно читать все эти напыщенные и страшно субъективные труды о жизни великих от мира кино... Но потом я, как и Чарли Кауфман в «Адаптации», решил, что мне нужно превзойти своего внутреннего Дональда. И написать. Чтобы потом вознаградить себя булочкой с кофе. Что ж, осталось только найти нужную тему...

Так я и пришел к идее писать книгу о Николасе Кейдже. Это кажется максимально неочевидным, ведь, если подумать, кто сейчас толком помнит об этой удивительной голливудской звезде, упавшей с небосклона, а затем вновь взлетевшей выше головы, кроме самых прож-

женных фанатов кино? Буквально недавно в кинотеатрах прошел «Собиратель душ», в котором Кейдж сыграл маньяка-сатаниста Длинноногого, и в этом образе он был больше похож на своего ближайшего кореша Мэрилина Мэнсона. Если так подумать, мало кто и догадался бы, кто перед ними, посетив сеанс в кинотеатре, но пропустив вступительные титры, если бы увидел перед собой похожего на радиоактивное облако бледнощекого мужика с длинными волосами.

И вот это, пожалуй, самая лучшая характеристика Кейджа как актера. Мне никогда не было особенно интересно читать и писать про режиссеров; ну да, они снимают кино, мы его смотрим, потом разбираем на киноцитаты, аллюзии, тайные смыслы и приемы... Равно как и никогда не было интересно читать, допустим, про Леонардо ДиКаприо и Алена Делона, про которых писала моя коллега Зинаида Пронченко; да, они замечательные, совершенно потрясающие актеры, настоящие титаны в пантеоне богов кино. У них все прекрасно: «Оскары», Каннские фестивали, престиж и богатство, любовь толпы и обожание... Но мне они зачем? Я обожаю смотреть фильмы с их участием, но мне искренне неинтересно читать о тех, кто купается в лучах славы.

Гораздо больше меня всегда интересовали аутсайдеры и затворники. Творцы любых профессий, которые когда-то оступились или даже никогда толком и не взлетали, оставаясь почитаемыми фигурами в крайне узких кругах. Ког-

да-то на сайте Rap (мог бы я себе представить, что буду поминать сайт про хип-хоп в книге про кино?) в одной из статей автор употребил гениальное словосочетание: хасл постигается через страгл. Проще говоря, чтобы добиться успеха и признания, нужно пройти через некоторое дерьмо и (не)много пострадать.

В жизни Николаса Кейджа некоторого дерьма было с избытком. Это даже не актер, а нечто большее — настоящий артист, персонаж собственного фильма под названием «жизнь», который почти всегда шел против любых модных веяний, ломал привычные маршруты, искал себя, не находил, бросался в огонь и пекло, падал, вставал и снова шел. Он уже удостоился чести получить фильм о себе при жизни, сыграв в нем самого себя, — такое достижение есть в копилке отнюдь не у многих. С ходу можно вспомнить разве что Джона Малковича (символично и иронично, что «Быть Джоном Малковичем» тоже снял Спайк Джонз по сценарию Чарли Кауфмана) да, возможно, Говарда Стерна в «Частях тела». Были наверняка и еще примеры, можно попытаться вспомнить, но Кейдж и тут идет особняком: он играл самого себя в «Невероятной тяжести огромного таланта», подойдя к этому фильму с таким багажом, что однажды о нем обязательно снимут полноценный фильм-биографию (помяните мое слово!). А конкретно эта картина — так, шутка для своих.

Тем не менее эта шутка, простите за этот парадокс, более чем серьезная. За свою отнюдь

не маленькую карьеру (через шесть лет Кейдж мог бы отмечать круглый юбилей в полвека со времен своей первой роли!) самый талантливый лузер Голливуда прошел путь, вполне достойный героя боевика.

Родиться в семье, уже успевшей сделать себе нешуточное имя в искусстве, и отказаться от любых предпочтений, чтобы пойти своим путем. Сделать себе в 1980-х имя одного из самых по-хорошему странных и эксцентричных актеров Голливуда; единственная ассоциация, которая приходит на ум, — это Клаус Кински, благо, и легендарный немец успел сделать немало странного и великого одновременно. Неожиданно ворваться в 1990-х в фавориты экшен-кино, не будучи таким же огромным и накачанным, как предыдущие звезды жанра вроде Шварценеггера, Сталлоне и Ван Дамма, — просто за счет своей невероятной харизматичности и крутости. Стать звездой № 1 в 2000-х, превратившись (к сожалению или к счастью, ненадолго) в гарант высоких кассовых сборов, настоящее олицетворение массового развлекательного сегмента кино.

Влипнуть в ряд громких скандалов, оставаясь при этом и в авангарде авторского кинематографа, и творя невероятную дичь, просто потому, что можешь себе позволить. Растерять практически всё в 2010-е, став персоной нон грата и, напротив, гарантом низких кассовых сборов и лицом дешевого кино категории В. Все это время не вылезать из скандалов, связанных с личной жизнью, баснословными тратами,

еще более баснословными долгами и странным поведением. Сделать так, чтобы о тебе забыли, ведь публика, пожирающая поп-культуру, беспощадна: вчера ты принимаешь «Оскар» и купаешься в лучах славы, а завтра про тебя все забыли и не пускают даже в твой любимый ресторан. Воспользоваться этой возможностью, чтобы переизобрести себя — выжать все грани актерского безумия, явить миру нового Николаса Кейджа, которого все те же потребители попкорна не могли себе и представить... И которого, на самом деле, хорошо знали те, кто никогда о нем не забывал. Рассчитаться с прошлым, закрыть все гештальты и вновь стать модным, но теперь в качестве забавного фрика, от которого вечно ждут чего-то необычного, странного и попросту выбивающегося из привычных рамок. И шагнуть в 2020-е в новом статусе: икона андеграунда, большой артист, сумевший восстать из пепла и пускай и не занять свое старое место, но найти новое, возможно, даже более почетное, хоть в него и до сих пор недоверчиво тычут пальцем, мол, помните этого чудака, когда-то съевшего таракана?..

Больше всего всегда привлекают те неудачники, которые не сдаются и находят в себе силы превозмочь, выдержать удары не всегда справедливой судьбы и приручить ее. От людей, светящихся от собственной исключительности, толку мало: они часто надменны, вечно заняты, высокопарны и попросту не очень-то интересны. Золото всегда блестит и высоко ценится, но куда интереснее откопать какой-нибудь редкий сплав,

отполировать и выковать из него нечто не столь блестящее, но куда более прочное и надежное. Николас Кейдж — ядренейшая смесь: человек, не выдержавший испытание славой, который получил по башке за то, что попытался ухватить бога за бороду (опять она!), был спущен в самый низ, прозябал там какое-то время, чтобы в итоге понять про себя что-то важное и показать это через свои роли, явив на потеху публике. Такие жизненные перипетии всегда волновали лично меня куда больше, чем истории самого успешного успеха.

Кейдж — актер совершенно особой формации: даже деньги и слава нужны были ему не для того, чтобы вкуснее всех есть и быстрее всех ездить на спортивных автомобилях. Каждую свою ошибку, каждую странность и бесполезную покупку, каждую выходку и глупость он как будто накапливал, чтобы воплотить впоследствии на экране образы самых необычных и оттого привлекательных персонажей. Не пройди он через все то, что прошел, не смог бы с той же долей самоотдачи сыграть в «Мэнди», став проводником в мир inferнального безумия. Он не смог бы изобразить загадочного отшельника в «Свинье», став антонимом Джона Уика, персонажа, сыгранного еще одним гениальным аутсайдером Голливуда — Киану Ривзом (вот про кого можно было бы написать вторую книгу!). Не смог бы сыграть профессора из «Героя наших снов» — по сути, самого себя, доброго человека, на которого все смотрят как на какого-то диковинного монстра.

Но это вовсе не значит, что для того, чтобы сыграть все эти роли, нужно всенепременно потерять значительную часть денег, пройти через ад съемок в микробюджетных боевиках категории С, развестись с полдюжиной жен и выкинуть несколько не самых красивых пьяных выходов. Нет, просто Кейдж с самого начала своей карьеры не был похож на других и не хотел быть похожим. С первых своих крупных ролей, от ветерана войны из «Птахи», ради образа которого он по-настоящему вырвал себе несколько зубов, до «Без лица», где он сознательно изучал и копировал актерские манеры Джона Траволты, он стремился в каждой новой роли найти что-то особенное. Возможно, именно поэтому, попав в массовое кино с середины 1990-х, он в нем так толком и не прижился — ему было откровенно скучно в усредненном поп-кинематографе, где он почти всегда играл образы обаятельных «своих парней» с легкой долькой дурашливости. Именно эта дурашливость вроде любви к пластинкам «Битлз» в «Скале» и была той, пускай и едва осязаемой, изюминкой, за которую Кейджа приняли и полюбили. И для того, чтобы это понять в полной мере, Кейджу пришлось на время превратиться в витрину голливудского лоска. Не каждый может позволить себе сделать такие ошибки ценой в десятки и сотни миллионов долларов, множество потерянных ролей, связей, наград и просто нервов, фактически посеянной карьеры, которую нужно восстанавливать заново, и клейма, возможно, на всю оставшуюся жизнь.

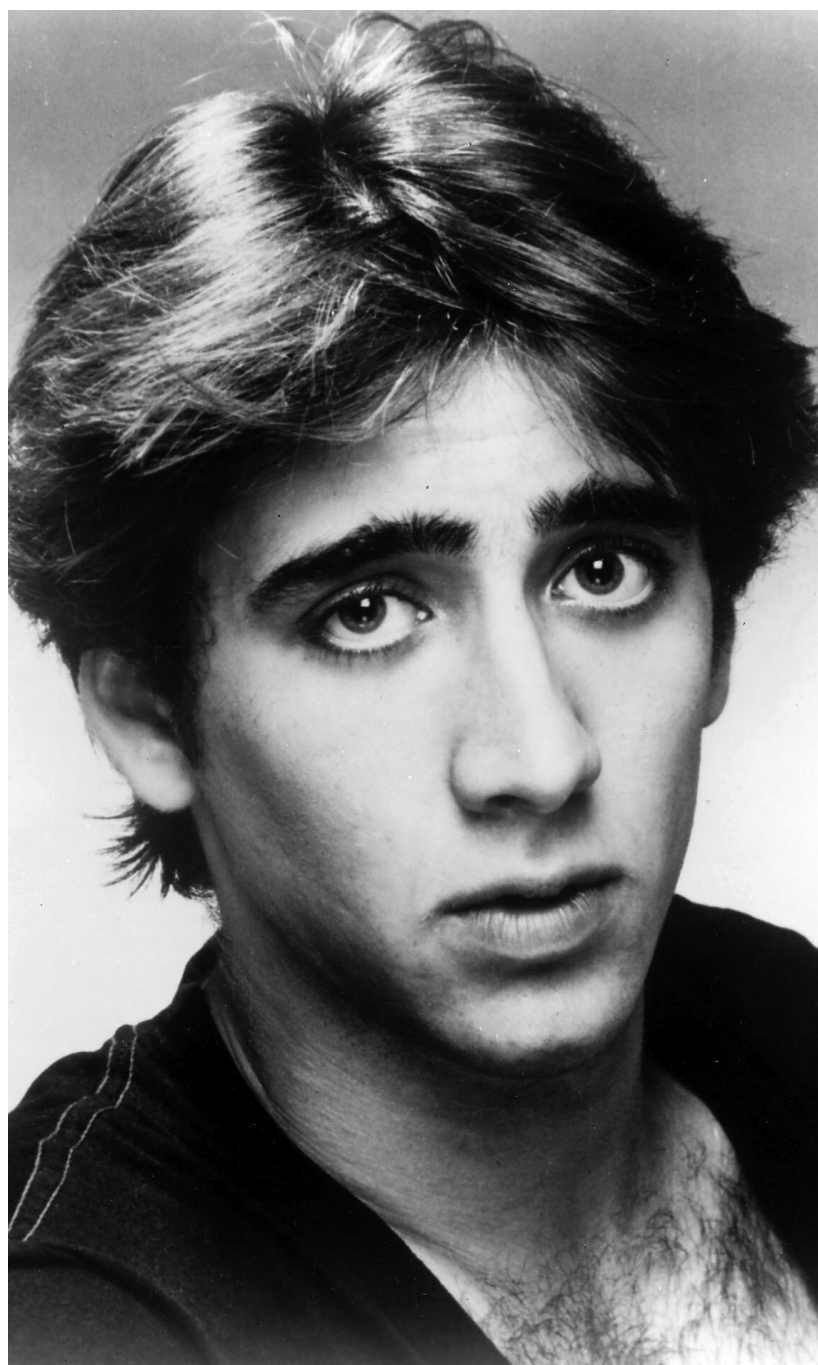
Кейдж позволил и закрепил за собой звание паровозика, который смог. Смог воскресить репутацию выдающегося актера, вернуть бенефиты и отчасти благополучную жизнь, наладить личную и просто избавиться от почетного звания «актера, снимающегося в плохом кино». Теперь уже не в моде говорить, что Кейдж — это сбитый летчик, что он посредственный артист и что раз он снялся в фильме, значит, его точно не стоит смотреть. Разумеется, по сей день у него бывают (и будут) неудачи — вроде глуповатого комедийного боевика «Папа из спецназа», например. Найдутся и те, кто при его имени отвернется и скажет: а, это тот самый чувак из «Призрачного гонщика», который давно перестал сниматься в хорошем кино... Возможно даже, таких будет много. Но конкретно сейчас вы приобрели эту книгу и читаете явно не для того, чтобы почитать что-нибудь в духе «Николас Кейдж — лох».

Кто угодно лох, но только не Николас Кейдж.

Актер-трансформер, вся жизнь которого — увлекательнейшая трагикомедия, пускай и, кажется, со счастливым концом. Следить за его успехами и неудачами куда интереснее, чем за ровной и красивой карьерой все того же ДиКаприо или Брэда Питта, время от времени отвлекаясь на фото с неспортивным телосложением Лео или на новости о бракоразводном процессе Питта с Анджелиной Джоли. Более того, следить за жизнью Кейджа куда интереснее, когда ты знаешь, насколько он потрясающий, невероятно талантливый и разноплановый ар-

тист, ведь каждый раз трудно предугадать, какой фортель он выкинет в следующий раз, кого сыграет и чем удивит. И радоваться его успехам вместе с ним.

Впереди нас ждет увлекательный разговор о человеке, который каждый раз находил себя заново, и мне хочется верить, что вам он понравится так же сильно, как мне. Для Кейджа вся жизнь — это кино, которое он сам и снимает. Что ж, я попытался сохранить киношность его жизни, не ударяясь в скучный, сухой и попросту никому особо не нужный текст. Итак, тема найдена, булочка пока что еще не съедена, кофе не выпит. Время оказаться в клетке один на один со стариной Николасом!

Глава 1.

Лил Ник

«В детстве, со слов папы, я думал, что я инопланетянин с другой планеты, и не мог поверить, оказавшись в кабинете врача, что у меня нормальный скелет и органы, как у всех людей», — признался Кейдж в декабре 2022 года в интервью изданию Ramp Space¹. Это, пожалуй, идеальный старт для нашего разговора о том, с чего начался Николас Кейдж. А начался Кейдж с... Николаса Коппола. О происхождении псевдонима мы расскажем в последующих главах, пока же стоит сказать хотя бы пару слов о родне знаменитого в будущем актера — ведь она была тоже весьма примечательной.

Агостино Коппола (родился в 1882 году), выходец из деревни Бернальда в регионе Базиликата

---

¹

на юге Италии, стал одним из многочисленных беженцев, эмигрировавших в конце XIX — начале XX века из-за плохой экономической обстановки в стране (последствия тяжелого объединения государств на территории Италии, т. н. рисорджименто). В то время более 90% населения региона было безграмотным, но Агостино был образованным, начитанным и с детства тяготел к музыке, а также, как говорят, был прирожденным механиком и мог починить что угодно. В 1904 году он переехал в Нью-Йорк вместе с женой Мэри.

Впоследствии у них родились двое сыновей: Кармине (1910) и Энтон (1917). Кармине Коппола унаследовал от отца талант к музыке: он был флейтистом и поступил в Манхэттенскую музыкальную школу, престижное заведение, где в разные годы учились такие легенды, как Анджело Бадаламенти и Херби Хэнкок. Вслед за ним по музыкальному пути пошел и Энтон, к тому моменту успевший поработать в хоре. Оба впоследствии оставили свой след в кино: Кармине Коппола был композитором третьего «Крестного отца» (а также дирижером оркестра, исполнявшего музыку ко всей легендарной трилогии) и «Апокалипсиса сегодня», фильмов, снятых его сыном Фрэнсисом Фордом. Энтон Коппола сыграл небольшую роль во втором сезоне сериала «Моцарт в джунглях». У обоих сложилась успешная музыкальная карьера: Кармине заправлял бродвейским оркестром, а Энтон писал и ставил оперы, даже удостоившись прижизненной награды от фонда имени Джакомо Пуччини.